

УДК 314.7

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-4-48-57

ПРОГРАММНАЯ ДЕЭКСТРЕМИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Буткевич С. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассмотрены актуальные вопросы осуществления миграционных процессов в национальном и глобальном масштабе. В частности, проведено всестороннее исследование причин и условий появления и распространения угроз экстремистского и террористического характера, связанных с легальной и нелегальной миграцией, в том числе лиц, исповедующих ислам. Сделан акцент на составление прогноза развития существующих и возможных миграционных рисков, обусловленных современной геополитической ситуацией.

Основное внимание сосредоточено на анализе законодательных инициатив Французской Республики, касающихся противодействия религиозному экстремизму, обусловленному интенсификацией миграционных процессов из стран Азии и Африки. Кроме того, подробно охарактеризованы проблемы мигрантов и беженцев при их ассимиляции, которые могут использоваться в противоправных целях, в том числе для вовлечения их в экстремистскую либо террористическую деятельность. Вместе с тем описаны состояния коренного (местного) населения, связанные с неконтролируемой миграцией, которые могут приводить к мигрантофобии, протестной активности, радикализации общества и деструктивной деятельности. Также без внимания не осталась взаимосвязь экстремистской деятельности с радикализацией вероисповедания.

Изучение миграционных процессов в Европейском Союзе и нормотворчества Французской Республики в этой сфере позволило разработать авторские рекомендации по совершенствованию нормотворческой работы, правоприменительной практики, правоохранительной и правозащитной деятельности в этом сегменте обеспечения национальной и коллективной безопасности.

Ключевые слова: миграционная политика, миграционные процессы, нелегальные мигранты, противодействие экстремизму, радикальная и деструктивная активность, радикальный исламизм, террористические угрозы, экстремистская деятельность.

Глобальная миграция, помимо непредсказуемости (факторы «черных лебедей», «серых лебедей» и «розовых фламинго»), приобретает все большие масштабы и диффузию, характеризуется вариативностью детерминант и непрогнозируемостью последствий [1, с. 46–47]. Именно поэтому необходимы более глубокое и комплексное исследование данного феномена и сопутствующих ему явлений, детальная проработка возможных прогнозов и вероятных сценариев развития миграционных рисков как необходимых условий для разработки и реализации эффективной и продуманной миграционной политики, стратегического планирования в этой области. Иначе говоря, паттерны, мотивации и модальности миграции должны исследоваться с проецированием их существующих и возможных траекторий на новые локации и темпоральности.

Обычно считается, что миграционные процессы являются одним из негативных последствий социальной неустроенности, по причине которых люди ищут лучшей жизни для удовлетворения различных потребностей, начиная с физиологических (выживание) и заканчивая стремлением к признанию (самореализация). То есть под ними принято понимать не естественное состояние, когда люди путешествуют для

знакомства с миром, изучают новые страны, культуру, историю, традиции и, в конечном счете, возвращаются в родные места, а вынужденный ход судьбы человека, его внутренние противоречия, которые интерпретируются в пространственное перемещение.

В последнее время усилившиеся миграционные потоки в локальном и глобальном измерениях нередко становятся фактором формирования социальной среды экстремизма и одним из главных условий возникновения социальной базы терроризма. При этом абсолютное большинство традиционных и инновационных медиа сформировало в индивидуальном и общественном сознании тезис об устойчивой связи исламского радикализма (фундаментализма) с преступлениями террористического характера и экстремистской направленности, сопряженной с ними асоциальной активности мигрантов и беженцев, являющихся главным образом выходцами из стран Азии и Африки.

Сегодня интенсификация миграционных процессов прежде всего обусловлена экономическими последствиями кризиса пандемии коронавируса COVID-19 и агрессивной внешней «политикой» США и их сателлитов, которой сопутствуют вооруженные конфликты, «цветные» революции, государственные перевороты и расцвет международного терроризма. Организация и протекция каналам нелегальной миграции, незаконно находящиеся и вовлеченные как дешевая рабочая сила в «теневой» или криминальный бизнес иностранцы являются достаточно легким, сверхприбыльным и заманчивым источником преступных и коррупционных доходов. Впоследствии могут формироваться этнические анклав, которые криминализируются, транснационализируются и становятся угрозой не только для региональной и национальной, но и коллективной безопасности. Вместе с тем нерешенность экономических и социально-бытовых проблем мигрантов активно используют и организованные группы, преступные сообщества, в том числе экстремистской и террористической направленности, вовлекая вынужденных переселенцев в орбиту своей противоправной деятельности. С другой стороны, с миграционными потоками растет конкуренция на рынках труда и жилья, осуществляются значительные расходы на социальные выплаты, благоустройство и содержание инфраструктуры объектов социального назначения, на порядок увеличивается культурное, лингвистическое и этническое разнообразие (до шоковых состояний [2]), а также социально-экономическое неравенство. Это в свою очередь порождает среди коренного (местного) населения рост протестной активности, вариативные модусы мигрантофобии, исламофобии, ксенофобии, расизма, вспышки национальной и религиозной нетерпимости, которые могут приобретать радикальный или деструктивный характер.

Современная Россия одновременно является страной происхождения, назначения и транзита мигрантов, территорией разных по видам, характеру, источникам, направленности и масштабам миграционных процессов. Несмотря на то, что привлекательность Российской Федерации для мигрантов из стран дальнего зарубежья в сравнении с западными странами относительно невысокая, это не должно нас успокаивать, придавать этой проблеме отложенный статус либо второстепенное значение. Это связано с тем, что ухудшение социально-экономической ситуации в государствах Центральной и Южной Азии, новый виток миграционного кризиса в европейских странах, форсированный выводом американских войск из Афганистана, непоследовательные действия государств-членов Европейского Союза (далее –

ЕС) от урегулирования, лимитирования (квотирования) миграционных потоков до введения запретов на въезд беженцам, дают возможность прогнозировать, что в ближайшее время Россия и сопредельные страны могут оказаться перед необходимостью оперативно и гибко реагировать на рост интенсивности внешних миграционных процессов, в том числе из государств с высоким уровнем террористической или экстремистской угрозы.

29 ноября 2019 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил: «Для всех регионов актуальна и тема трудовой миграции, в целом миграционной политики. Нужны продуманные, эффективные меры по социальной адаптации мигрантов. Мы радушно принимаем и должны помогать тем, кто хочет жить, учиться, работать у нас. И в то же время необходимо отсекалть, жёстко отсекалть любые риски, связанные с невежеством, распространением экстремизма, разного рода радикальных течений» [3]. В первую очередь это связано с тем, что, приезжая на заработки или в поисках лучшей жизни, мигранты и беженцы не только попадают в сферу интересов экстремистских организаций, но и могут становиться объектом суггестивного воздействия различных некоммерческих организаций, мимикрирующих под благотворительные фонды и правозащитные организации, де-юре отстаивающие их права, свободы и интересы, де-факто – занимающиеся их идеологической обработкой и вербовкой. Поэтому имеют право на существование мнения сторонников применения гибридных технологий в современных конфликтах и приверженцев теорий заговоров мирового правительства об использовании инокультурных мигрантов (в том числе при возвратной миграции) в качестве этнокультурного оружия для эскалации напряженности, инструмента дестабилизации общественно-политической и экономической обстановки и средства подрыва безопасности государства. В то же время для организации и осуществления противоправной деятельности под видом мигрантов (беженцев) могут прибывать члены террористических и экстремистских организаций, участники незаконных вооруженных формирований либо выходцы из регионов с высокой террористической активностью, уже индоктринированные радикальной или деструктивной идеологией либо лояльные к таким идеям.

Стоит подчеркнуть, что большинство нелегальных миграционных процессов с конца XX в. утратило стихийность и спонтанность, а находится под контролем транснациональных преступных организаций либо управляется или стимулируется военно-политическими блоками, альянсами, временными межгосударственными союзами. Очевидно, что в таких условиях социальной напряженности общественность (вне зависимости от уровня благосостояния и развития государства) все чаще требует от руководства страны не принятия политики «открытых дверей» в отношении мигрантов, их интеграции, социализации и регуляризации, а напротив – ужесточения миграционной политики, установления ограничений и усиления санкций за нарушения законодательства в этой сфере, принятие решений о полном запрете на въезд мигрантов, их принудительном возвращении или выдворении.

Таким образом, перед государством возникает дилемма: с одной стороны, добиться эффективности управления миграционными процессами и контроля их участников, устойчивого демографического и социально-экономического роста страны, а с другой, – обеспечить общественную безопасность на региональном и государственном уровнях, включая своевременную ликвидацию (минимизацию)

последствий легальной и незаконной миграции, создать условия не только для беспрепятственной реализации мигрантами и беженцами своих прав, свобод и законных интересов (при условии их законного пребывания на территории страны), но и выполнении ими соответствующих обязанностей.

В современных условиях приходится констатировать концептуальную неопределенность, рассогласованность и даже противоречивость миграционной политики в странах ЕС, в том числе ее принципов, стратегических и перспективных целей, задач и стандартов соблюдения и защиты прав человека. Впрочем, независимо от локации, правового статуса, социального и экономического положения, все мигранты сталкиваются с трудностями адаптации в новом обществе, часто не решая проблемы культурной самобытности, языка и образования, ощущая ущербность, проявления ксенофобии и дискриминации. А продолжительное пребывание в статусе незаконного мигранта, осознание безвыходности и безысходности своего положения, нежеланности, зависимость от случайного стечения обстоятельств, групповая изоляция и ограниченность социальных контактов становятся причинами и условиями распространения чувств угнетенности и несправедливости в мигрантской среде. Как следствие, состояние фрустрации и агрессии переселенцев может использоваться в противоправных целях, в том числе для вовлечения их в экстремистскую деятельность.

Негативной тенденцией для ЕС также является увеличение мусульманского населения не только за счет миграционных процессов, но и более высокой рождаемости, в сравнении с коренным населением. Когда численность мигрантов достигает определенной критической массы, они уже не стараются ассимилироваться, имплементироваться в новый социум, освоить другой образ жизни и изучить новый язык, а создают закрытые, компактные зоны проживания, в которых стремятся сохранить свою идентичность, прежний уклад, язык, религию и культуру. Другими словами, синкретизм возможен только тогда, когда у человека присутствует желание ассимилироваться, то есть хотя бы частично принять культуру, традиции, обычаи, язык, иногда и религию коренного (местного) населения. Но мигрант, переезжая в другую страну, редко стремится порвать все связи с родиной, а, напротив, старается, часто даже бессознательно, сохранить свой прежний образ жизни на новом месте. А это гораздо проще сделать в кругу своих соотечественников (в нашем случае и единоверцев). В конечном итоге жизнь в диаспорах, землячествах, религиозных общинах как бы индуцирует у каждого мигранта отторжение обычаев и неприятие ценностей местного населения, помогает переселенцам сохранить свою этнорелигиозную и культурную идентичность и, как следствие, препятствует их интеграции. При этом в лагерях для проживания беженцев, иногда называемых «гетто», аллохтонный конфликтогенный и провокационный потенциал легко трансформировать в незаконную протестную активность, привести в конфронтационный тупик с местным населением, а для популяризации радикальной и деструктивной идеологии и вербовки прозелитов не будет никаких препятствий и преград. Иначе говоря, религия (точнее палитра искаженных интерпретаций вероучений, их отдельных догм и фрагментов), расхождения в традициях могут служить опасным, разрушительным и высокоэффективным оружием для провоцирования и разжигания социальных конфликтов, а надежды и ожидания мигрантов будут коррелировать искаженной «религиозной» релевантности.

Считается, что хуже всего ассимиляции, натурализации и аккультурации поддаются (или вообще не поддаются) именно мусульмане. В первую очередь это связано с их религиозной мотивацией, которой в определенных условиях можно придать конструктивный или деструктивный вектор. Даже в СССР, существуя в чрезвычайно агрессивной и враждебной к какому-либо вероисповеданию среде социалистического государства, мусульмане на протяжении нескольких поколений сохраняли принадлежность к исламу и осуществляли предусмотренные своей религией ритуалы, называя их национальными обычаями и традициями и пытаясь поставить их в один ранг со светскими правилами, нормами этикета и даже закона. Для сравнения: православие в Советском Союзе было практически полностью уничтожено как мировоззрение широких масс населения. Схожая ситуация наблюдалась, например, на Крымском полуострове с началом независимости Украины (1991 г.) и репатриации крымских татар, идеологическим, политическим и организационным центром которых стал «Меджлис крымскотатарского народа» (организация признана экстремистской и запрещена в России), использовавший для консолидации репатриантов, в том числе, религиозную составляющую. Несмотря на предпринимаемые меры, эта до настоящего времени нелегализованная на Украине структура остается основным организатором и идеологом террористических акций и экстремистской активности, проводником украинской реваншистской политики, модератором протестных и сепаратистских проявлений в Республике Крым. Интересно отметить, что на угрозу национальной безопасности в связи с проникновением на Украину каналами неконтролируемой миграции исламистских экстремистов и распространением их влияния среди крымскотатарского населения еще в 2006 г. указывал украинский исследователь И.К. Василенко [4, с. 74–77, 173]. Сейчас на Украине это – де-юре коренной народ, ведущий национально-освободительную борьбу с аннексией полуострова, де-факто лица, причастные к международному терроризму и экстремистской деятельности с политическими, националистическими и религиозными компонентами, поддерживаемые и финансируемые на государственном и международном уровнях.

В нашем исследовании более подробно остановимся на законодательных инициативах Франции – стране с самым большим количеством проживающих мусульман (по различным оценкам до 8 млн) среди государств-членов ЕС, получивших новый импульс в октябре 2020 г. после серии террористических актов. Не заостряя внимания на бессистемности и нормотворческой неопределенности ключевых моментов в антитеррористическом законодательстве Пятой республики, остановимся лишь на отдельных его новеллах, интересных, на наш взгляд, в контексте дальнейших научных исследований феномена экстремизма и отечественной правоприменительной практики.

В частности, в разработанном законопроекте (первоначальное название – «Об исламском сепаратизме») предлагалось расширить понятие «сепаратизм», под которым прежде всего понимался исламский радикализм (политический исламизм), с попытками создания параллельных структур в образовании, культуре и власти. По мнению президента Э. Макрона, радикальный исламизм «открыто выражает намерение навязать свои порядки... Эта идеология утверждает, что ее законы выше законов Республики» [5]. Основная идея президента заключалась в следующем: воинствующий исламизм (*воинственная интерпретация ислама – здесь и далее курсив наш, С.Б.*) сейчас приобретает все большую популярность и влияние в мире, угро-

жая основам, в том числе, и своей собственной религии. Эксцессы угрожают и Франции. Если раньше следовало опасаться международного терроризма, то теперь он самозарождается на французской земле (*полагаем, что аналогичной позиции придерживаются правоохранные и судебные органы в США, назвав после президентских выборов 2021 г. протестную активность политических оппонентов «внутренним терроризмом»*). К такой противоправной деятельности могут быть причастны иностранцы, получившие разрешение на проживание во Франции, дети и внуки иммигрантов, а также собственные граждане, которые неожиданно прониклись враждебностью и ненавистью к родине и согражданам (*по сути – опять же политические оппоненты*). Для признания их деятельности противоправной, они не обязательно должны совершать акты насилия, а просто формировать среду сопротивления республиканским законам (*иными словами, не совершать акты «насильственного экстремизма», а создавать и популяризировать иную, возможно радикальную или деструктивную, идеологию*). Единственная возможность избежать таких последствий, по мнению французского лидера, – это изменить систему взаимодействия ислама и светского общества (*даже несмотря на законодательное закрепление принципа отделения религии от государства с 1905 г.*).

Помимо указанного выше, в законопроекте красной нитью проходит идея запрета «домашнего обучения», идущего вразрез со светским характером образования. По состоянию на октябрь 2020 г. во Франции около 85 тыс. детей посещают 1 700 частных школ, треть из которых религиозные. В связи с этим законопроект предусматривал обязательность посещения детьми дошкольных и общеобразовательных учреждений с трехлетнего возраста, сделав исключение для детей только по медицинским показаниям. Кроме того, прекращалось преподавание в школах «языка и культуры стран происхождения», введенное в 1970-х годах. Что касается культуры и религии, то перед государством ставилась задача сделать ислам «французским», «просвещенным», существенно ограничив внешнее воздействие на его популяризацию и искаженное толкование со стороны иностранных спонсоров и менторов. Также в законодательной инициативе делается акцент на неукоснительном соблюдении религиозного нейтралитета государственными служащими и представителями бизнеса с государственной поддержкой (*с подписанием обязательной присяги или «светской хартии»*), недопустимости конфессиональных, расовых, политических и гендерных сегрегаций, преференций, дискриминаций, пропаганды и миссионерской деятельности в образовательных и религиозных организациях, учреждениях общественного питания, культуры, физической подготовки и спорта («нейтральное оказание общественных услуг»), усилении контроля деятельности некоммерческих организаций (*вплоть до запрета их деятельности за «провокацию насильственных действий»*), обучении мусульманского духовенства исключительно во Франции, ограничениях открытого ношения религиозных символов в общественных местах.

Э. Макрон убежден, что иницируемый законопроект направлен против «исламистского сепаратизма, осознанного политико-религиозного проекта», а не «исповедующих ислам добропорядочных граждан Республики» [5]. Однако уже в декабре 2020 г. рассматриваемый проект закона сменил название («Об укреплении республиканских принципов») и несколько смягчил риторику, но оставил своей главной задачей борьбу с радикальным исламом. Хотя, комментируя для массмедиа его

основные положения, глава правительства Франции Ж. Кастекс отмечал, что данный проект не направлен против каких-то определенных религий, а лишь является средством «защиты от идеологических и политических объединений, которые нападают на наши ценности, суверенитет и иногда доходят до уголовных преступлений» [6], но открытое недовольство его разработкой высказывали только представители мусульманских общин. В дополнение к ранее описанным новеллам предлагалось упростить процедуру приостановления деятельности религиозных и других общественных организаций, причастных к распространению идей и теорий, которые «провоцируют ненависть или насилие против людей», а также ввести ответственность за: выдачу справок о девственности – «сертификатов о невинности» (для медицинских работников предусматривалось лишение свободы на срок до одного года и штраф в размере 15 тыс. евро); лишение дочерей наследства в пользу сыновей; полигамию и принуждение к браку (вплоть до лишения вида на жительство и выдворения). Вместе с тем было предусмотрено уголовное преследование лиц: подвергающих «опасности других лиц, распространяя информацию об их частной жизни и профессиональной деятельности, позволяющую идентифицировать человека и установить место его проживания» (лишение свободы на срок до трех лет и штраф 45 тыс. евро); причастных к разжиганию вражды и ненависти в социальных сетях; за угрозы, насилие или любой другой акт устрашения по отношению к любому лицу... с целью получения полного или частичного освобождения или дифференцированного применения правил» (лишение свободы на срок до пяти лет и штраф 75 тыс. евро). Однако, оппонировав данной инициативе, французские социологи и криминологи указывают, что все лица, совершившие террористические акты за последние 2 года: не проходили «домашнее обучение», а наоборот обучались в государственных образовательных учреждениях; не посещали мечети на системной основе; не содержали полигамные семьи; длительное время проживали в республике на постоянной основе [7].

Полагаем, что для политического руководства и правоохранительных органов Франции стала очевидной необходимость разработки и принятия республиканского закона о противодействии экстремизму вместо размытых в законодательстве ЕС понятия «насильственный экстремизм» и мер борьбы с ним. Но европейские корпоративные интересы и либеральные «ценности», давление оппозиции и мусульманской общины не позволили парламентариям завершить работу над принятием «стигматизирующего» законопроекта, вынужденной государственной секуляризацией. Одновременно с этим глупо отрицать, что при определенных манипуляциях с любыми религиозными текстами можно фокусироваться на изоляционистских аспектах вероучения, провоцировать фобии и потенциально конфликтогенные составляющие догм в собственной и сторонней конфессии или, наоборот, можно фокусироваться на мирной составляющей вероисповедания, находить идеи непротivления злу силой в своей религиозной традиции, акцентировать ценности и ориентиры, общие для всех религий [8] (*как правило, и для светского общества*).

Таким образом, проблема взаимосвязи нелегальной миграции и экстремизма в последнее время привлекает внимание не только ученых, но и национальных лидеров и правительств стран, особенно тех, которые являются реально и потенциально привлекательными для иммигрантов. В современных условиях мировое сообщество оказалось между молотом и наковальней – с одной стороны, соблюдение общепри-

знанных принципов и норм международного права по отношению к миграционным процессам и беженцам, а с другой – необходимость противодействия интервенции нелегальных мигрантов со всеми негативными последствиями, превенция внутренних и внешних экстремистских и террористических угроз. С подобной антиномией без межгосударственного взаимодействия, комплексных, последовательных и сбалансированных средств, гибких и комбинированных приемов не справится ни одно государство, независимо от уровня социально-экономического развития [9, с. 498–499; 10, с. 116–118]. При этом, по нашему мнению, очевидна необходимость: использования конструктивного потенциала миграционных потоков, предупреждения и минимизации их негативных последствий, учета этнографических, культурных и антропологических перспектив генезиса и развития данного феномена; дальнейшего совершенствования системы государственного управления миграционными процессами на национальном, региональном и муниципальном уровнях, ее совместимости с актуальной социально-демографической политикой и экономическим развитием; повышения эффективности системы обеспечения национальной и общественной безопасности в этой сфере; исключения дискриминации мигрантов и обеспечения интеграции в социум иностранцев и лиц без гражданства, находящихся на законных основаниях, но без преференций и льгот в ущерб коренному (местному) населению.

В то же время убеждены, что миграция является лишь одним из катализаторов распространения «исламского» (религиозного) экстремизма, которому сопутствуют насаждение и популяризация радикальной и деструктивной идеологии в среде мигрантов для дальнейшего их использования в противоправных целях, обострение социальной напряженности и усложнение криминологической обстановки на новых локациях, включая совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности [11]. Тем не менее, миграционные процессы уже активно используются в качестве гибридного инструмента для дестабилизации общественно-политической обстановки по пути их следования и в странах назначения. Считаем, что без внимания нельзя оставлять и вопросы саморадикализации мигрантов и беженцев, а также граждан принимающей их страны, противоправные проявления со стороны которых обычно обусловлены именно интенсивными миграционными процессами. Соответственно, программная деэкстремизация последних должна учитывать детерминанты радикализации и деструктивного поведения всех субъектов экстремистской деятельности – аллохтонных и автохтонных.

Уверены, что нелегальная миграция несет прямую, реальную и стохастическую угрозу национальной безопасности любого государства, существенно ухудшает в нем криминологическую обстановку, оказывая негативное влияние на все сферы жизнедеятельности социума. В первую очередь это связано с тем, что незаконное пребывание иностранцев на территории страны является дестабилизирующим фактором в политической, социальной, экономической и культурной сферах, драйвером роста корыстно-насильственных преступлений и уровня заболеваний, развития теневой экономики и подпольного рынка труда, и, в конечном счете, представляет вызов для политического, экономического и национального суверенитета, подрывает авторитет лидеров такого государства внутри страны и на международной арене. При этом конфликтогенный потенциал страны, подверженной рискам нелегальной миграции, будет усиливаться в глобальном масштабе, если она не только является конечным пунктом назначения для мигрантов, но и транзитной тер-

риторией на пути к более развитым или социально-экономически привлекательным государствам. Ситуация осложняется и тем, что эскалацию напряженности и состояние бесконтрольности в данной сфере стали использовать в своих корпоративных интересах лидеры отдельных стран, пытаясь путем угроз и (или) шантажа получить от этого дополнительную финансово-экономическую выгоду, геополитические преференции, повлиять на внутреннюю или внешнюю политику соседних государств либо их блоков, альянсов и союзов. Но пресечь экстремистские проявления, в том числе обусловленные миграционными процессами, осуществить религиозную или политическую дерадикализацию населения исключительно законодательными запретами и санкциями считаем маловероятным. В этой работе целесообразно также использовать конструктивный потенциал религии и авторитет духовных лидеров традиционных конфессий.

Список литературы:

1. Капранова Ю. В. Миграция как глобализационный процесс: история и современность / Ю. В. Капранова, А. В. Капранов // сб. материалов Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы миграционных процессов» (Ростов-на-Дону, 23 мая 2019 г.). – Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2019. – С. 44–50.
2. Коноплева А. А. Осмысление процесса развития культурного шока в контексте современных миграционных процессов / А. А. Коноплева // Социально-гуманитарное обозрение. – 2016. – № 1. – С. 41–43.
3. Стенографический отчет о заседании Совета по межнациональным отношениям <<http://kremlin.ru/events/president/news/62160>> (последнее обращение – 20 сентября 2021 г.).
4. Василенко І. К. Протидія незаконній міграції населення країн Азії в Європу через територію України (організаційно-правовий аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07 / Василенко Ігор Костянтинович. – Донецьк, 2006. – 229 с.
5. Президент Франции расширил понятие «сепаратизм» <<https://www.kommersant.ru/doc/4519365>> (последнее обращение – 20 сентября 2021 г.).
6. Совет министров Франции одобрил законопроект о борьбе с радикальным исламом <<https://www.kommersant.ru/doc/4605674>> (последнее обращение – 21 сентября 2021 г.).
7. Нижняя палата Франции проголосовала за исторический закон об «укреплении республиканских принципов» <<https://ru.exrus.eu/Nizhnyaya-palata-Frantsii-progolosovala-za-istorichesky-zakon-ob-ukrepleni-id604d0664be4d9d78b559edd6>> (последнее обращение – 21 сентября 2021 г.).
8. Об ответственности религий за мир <<https://www.deutschland.de/ru/topic/politika/ob-otvetstvennosti-religii-za-mir>> (последнее обращение – 21 сентября 2021 г.).
9. Челпанова М. М. Влияние нелегальной миграции на экономическую безопасность страны / М. М. Челпанова // материалы Всероссийской научно-практической конференции «Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы» (Симферополь, 25 октября 2019 г.). – Краснодар: КрУ МВД России, 2020. – С. 497–500.
10. Агашев Д. В. Социальное обеспечение работников-мигрантов в ЕС: компаративистские модели в контексте системы правовой интеграции государств ЕАЭС / Д. В. Агашев, С. Г. Трифонов, К. В. Трифонова // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 40. – С. 115–124.
11. См.: Чудина-Шмидт Н. В. Экстремальные проявления как проблема современного общества / Н. В. Чудина-Шмидт // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 9 (124). – С. 493–495.

Butkevich S. Programmatic de-extremization of migration processes: questions of theory and practice // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2021. – Т. 7 (73). № 4. – Р. 48–57.

The article considers topical issues of the implementation of migration processes on a national and global scale. In particular, a comprehensive research of the reasons and conditions for the emergence and spread of threats of an extremist and terrorist nature connected with legal and illegal migration, including persons professing Islam, was carried out. Emphasis is placed on the prediction of the development of existing and possible migration risks due to the current geopolitical situation.

The main focus is on the analysis of the legislative initiatives of the French Republic concerning countering religious extremism caused by the intensification of migration processes from the countries of

Africa and Asia. In addition, the article gives a detailed description of the problems of migrants and refugees during their assimilation, which can be used for illegal purposes, including those aimed at involving them in extremist or terrorist activities. At the same time, the state of the native (local) population associated with uncontrolled migration which can lead to migrant-phobia, protest activity, radicalization of society and destructive activity are described. Also, the interrelation of extremist activity with the radicalization of religion is not put aside.

The study of migration processes in the European Union and the law-making of the French Republic in this field made it possible to develop author's recommendations for improving the law-making work, law enforcement practice, law enforcement and human rights activities in this segment of ensuring national and collective security.

Key words: migration policy, migration processes, illegal migrants, countering extremism, radical and destructive activity, radical Islamism, terrorist threats, extremist activity.

Spisok literary:

1. Kapranova YU. V. Migraciya kak globalizaciiy process: istoriya i sovremennost' / YU. V. Kapranova, A. V. Kapranov // sb. materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy migracionnyh processov» (Rostov-na-Donu, 23 maya 2019 g.). – Rostov n/D: RYUI MVD Rossii, 2019. – S. 44–50.
2. Konopleva A. A. Osmyslenie processa razvitiya kul'turnogo shoka v kontekste sovremennyh migracionnyh processov / A. A. Konopleva // Social'no-gumanitarnoe obozrenie. – 2016. – № 1. – S. 41–43.
3. Stenograficheskij otchet o zasedanii Soveta po mezhnacional'nym otnosheniyam <<http://kremlin.ru/events/president/news/62160>> (poslednee obrashchenie – 20 sentyabrya 2021 g.).
4. Vasilenko I. K. Protidiya nezakonnij migracii naselennya kraïn Azii v Evropu cherez teritoriyu Ukraïni (organizacijno-pravovij aspekt) : dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.07 / Vasilenko Igor Kostyantynovich. – Donec'k, 2006. – 229 s.
5. Prezident Francii rasshiril ponyatie «separatizm» <<https://www.kommersant.ru/doc/4519365>> (poslednee obrashchenie – 20 sentyabrya 2021 g.).
6. Sovet ministrov Francii odobril zakonoproekt o bor'be s radikal'nym islamizmom <<https://www.kommersant.ru/doc/4605674>> (poslednee obrashchenie – 21 sentyabrya 2021 g.).
7. Nizhnyaya palata Francii progolosovala za istoricheskij zakon ob «ukreplenii respublikanskih principov» <<https://ru.exrus.eu/Nizhnyaya-palata-Frantsii-progolosovala-za-istoricheskij-zakon-ob-ukreplenii-id604d0664be4d9d78b559edd6>> (poslednee obrashchenie – 21 sentyabrya 2021 g.).
8. Ob otvetstvennosti religij za mir <<https://www.deutschland.de/ru/topic/politika/ob-otvetstvennosti-religii-za-mir>> (poslednee obrashchenie – 21 sentyabrya 2021 g.).
9. CHelpanova M. M. Vliyanie nelegal'noj migracii na ekonomicheskuyu bezopasnost' strany / M. M. CHelpanova // materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Obespechenie obshchestvennoj bezopasnosti i protivodejstvie prestupnosti: zadachi, problemy i perspektivy» (Simferopol', 25 oktyabrya 2019 g.). – Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2020. – S. 497–500.
10. Agashev D. V. Social'noe obespechenie rabotnikov-migrantov v ES: komparativistskie modeli v kontekste sistemy pravovoj integracii gosudarstv EAES / D. V. Agashev, S. G. Trifonov, K. V. Trifonova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2021. – № 40. – S. 115–124.
11. Sm.: CHudina-SHmidt N. V. Ekstremal'nye proyavleniya kak problema sovremennogo obshchestva / N. V. CHudina-SHmidt // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2018. – № 9 (124). – S. 493–495.